

Летопись жизни и творчества В. И. Сафонова

Сост. Л. Л. Тумаринсон и Б. М. Розенфельд. М.: Белый Берег, 2009. — 766 с.

В мае 2009 года в Санкт-Петербургской консерватории состоялась петербургская презентация книги о жизни и творчестве выдающегося дирижера Василия Ильича Сафонова, предоставившая возможность познакомиться не только с самим изданием, но и с одним из авторов. Окончив в свое время школу-семилетку им. Гнесиных по классу виолончели, Леонид Леонидович Тумаринсон не стал музыкантом-исполнителем, избрав иную стезю. Медик по образованию, фельдшер московской станции скорой помощи, он — музыкальный документалист по призванию, человек поразительной исследовательской отваги и неутомимой работоспособности. Незримо присутствовал на презентации и другой автор книги — директор Музея при Государственной филармонии на Кавказских Минеральных Водах (Кисловодск) Борис Матвеевич Розенфельд, вдохновитель и зачинатель работы по сбору сведений о Сафонове, уроженце Терского края, тесно связанном на протяжении всей жизни с Кисловодском.

Летопись жизни и творчества — подневная хроника, в которой каждая запись строго документирована, — многотрудный и востребованный жанр. Отечественное музыкознание насчитывает целый ряд хроникальных сводов, посвященных выдающимся деятелям музыкальной культуры: «Дни и годы П. И. Чайковского» (М.–Л., 1940), «Летопись жизни и творчества М. И. Глинки» (М., 1952), «Летопись жизни и творчества М. А. Балакирева» (М., 1967), «Страницы жизни Н. А. Римского-Корсакова» (вып. 1–4, Л., 1969–1973), выдержавшая два издания двухтомная «Летопись жизни и творчества Ф. И. Шаляпина» (Л., 1984; 1988–1989), а также «Летопись жизни и творчества А. Н. Скрябина» (М., 1985). Работа Л. Л. Тумаринсона и Б. М. Розенфельда является первым опытом составления в жанре летописи биографии дирижера.

Творчески насыщенный жизненный путь В. И. Сафонова (1852–1918) распадается на три неравных периода. Первый — домосковский — это детство в станице Ищерской, годы обучения в Петербурге (Первая гимназия, Александровский лицей), служба в канцелярии Комитета министров (1872–1879), обучение в Петербургской консерватории, которую Сафонов закончил в восьмимесячный срок с Малой золотой медалью, начало

педагогической деятельности в *alma mater*, первые концерты в качестве пианиста, женитьба на Вере Ивановне Вышнеградской, дочери тайного советника, вскоре занявшего пост министра финансов России, рождение первых двух (всего у него их было десять) детей. По словам авторов-составителей (с. 5), «документов, относящихся к первому периоду, сохранилось крайне мало». Однако документальная основа этой части летописи весьма основательна: здесь представлены выписки из метрических книг (о рождении Сафонова, о венчании, о рождении детей), документы об образовании и служебные формуляры, концертные программы и газетные отчеты о первых артистических выступлениях Сафонова, в том числе в дуэте с великим виолончелистом К. Ю. Давыдовым, и относящиеся уже к концу этого периода письма П. И. Чайковского, пригласившего Сафонова в состав профессуры Московской консерватории.

Второй период жизни Сафонова охватывает 1885–1905 годы. Это, по словам авторов, в документальном отношении самый насыщенный период, что неудивительно: в эти годы он активно занимается исполнительской, педагогической и музыкально-общественной деятельностью, а в 1889 году становится директором Московской консерватории, где в годы его правления было построено новое здание и сооружен орган в Большом зале.

Последний, послемосковский, период начинается в сентябре 1905 года, когда Сафонов, получив годичный отпуск в Московской консерватории, отбывает в заграничный вояж. Художественный совет консерватории, в результате революционных преобразований получивший автономию, избирает Сафонова на пост директора, но он решает не возвращаться к административной деятельности.

Выстроенные в хронологической последовательности факты, подтвержденные документальными источниками, показывают, что на этот шаг Сафонова подвигли не только многочисленные внутриконсерваторские разлады, причиной которых нередко бывал он сам (скандалы по поводу Г. Э. Конюса, нежелание Сафонова принять на преподавательскую должность А. А. Брандукова, распри с С. И. Танеевым), но и весьма существенные причины личного характера: во-первых, необходимость заработать средства для дорогостоящего лечения сына Илюши, болевшего туберкулезом (это было возможно сделать, лишь целиком отдавшись концертной дирижерской практике на Западе), и, во-вторых, давнишнее желание освободиться от административной лямки. Последний период жизни Сафонова — это грандиозное дирижерское турне по музыкальным центрам Европы и Америки, а с началом мировой войны 1914 года — по городам Скандинавии и России.

Работая над «Летописью жизни и творчества В. И. Сафонова», составители обследовали огромное количество архивохранилищ как отечественных, так и зарубежных. Исследовательский натиск Л. Л. Тумаринсона, неустанно бомбардировавшего своими запросами крупнейшие библиотеки и архивы Европы и США, дал богатый урожай — копии писем и концертных программ стекались со всего света. Автор данной рецензии входит в число людей, считавших благом и обязанностью откликнуться на архивно-поисковые запросы Тумаринсона: связав исследователя с моими финскими коллегами в Хельсинки, я порадовалась тому, с какой готовностью они предоставили ему хранящиеся в Университетской библиотеке Финляндии копии писем Сафонова к органисту Роберту Фальтину. Список организаций и частных лиц, которым составители выразили благодарность за помощь, занимает шесть книжных страниц, напечатанных уборым шрифтом.

Л. Л. Тумаринсон и Б. М. Розенфельд нашли сведения о 705 концертах с участием Сафонова, из которых 290 давались в Москве, 58 — в Петербурге, 124 — в других городах Российской империи, 71 — в Нью-Йорке и 162 — в разных городах Западной Европы. Выявленные программы этих концертов составляют основной массив «Летописи», что естественно, так как это хроника жизни концертирующего пианиста и дирижера. Многие события артистической жизни Сафонова снабжены цитатами из газетных и журнальных рецензий, которые приведены взвешенно и без длиннот; список использованной периодики включает 98 отечественных и 86 зарубежных изданий на девяти европейских языках.

В «Летописи» широко использованы постраничные сноски, выполняющие разнообразные функции. Из сносок можно почерпнуть сведения о лицах, игравших важную роль в жизни Сафонова, но малоизвестных сегодня. В сносках же приведены цитаты, которые, не имея точной датировки, дают дополнительный материал для характеристики определенного периода. Цитаты из воспоминаний учеников и дочерей Сафонова разнообразят основной текст, внося в него дополнительные краски и расширяя событийный горизонт, благодаря чему «Летопись» читается как увлекательное документальное повествование. Так, из воспоминаний дочери Марии, подверстанных к сообщению от 22 ноября 1880 года, мы узнаем, что на банкете с шампанским и устрицами, устроенном в честь первого выступления Сафонова в концертах ИРМО, в первой же вскрытой им устрице лежала прекрасная жемчужина. «Такой удивительный символ поразил всех как добрый знак для начала музыкальной карьеры» (с. 56).

Действительно, карьера канцелярского чиновника, в двадцать восемь лет получившего музыкальное образование и выросшего до дирижера

мирового масштаба, была поразительной. Сафонов являлся самым «выездным» из отечественных дирижеров начала XX века, и во многом благодаря ему русская симфоническая музыка стала неотъемлемой частью мировой культуры. «Визитной карточкой» Сафонова была Патетическая симфония Чайковского, слава об интерпретации которой летела впереди него; он первым познакомил европейских слушателей с «Шехеразадой», и симфоническая сюита Римского-Корсакова зазвучала по всему миру.

Другой род постраничных сносок, к которому прибегают составители, представляет собой комментарии к тому или иному событию, часто содержащие противоположный взгляд на конкретную ситуацию. Широко, к примеру, известен факт посещения Л. Н. Толстым репетиции ученического спектакля в Московской консерватории, проходившей 19 апреля 1897 года под управлением Сафонова. В тексте сообщения составители приводят цитату из дневника В. Ф. Лазурского, подтверждающую, насколько Толстого поразило грубое обращение дирижера с учениками. В подстрочных комментариях составители указывают, что позднее Толстой описал эту репетицию в статье «Что такое искусство?», где манера Сафонова общаться с артистами названа «зверской жестокостью», и тут же приводят фрагмент из воспоминаний Е. А. Бекман-Щербины, звучащий в противовес мнению великого писателя: «Что касается „зверской жестокости“, то странно, что так можно было назвать то упорство и терпение, с которым В. И. Сафонов добивался совершенства исполнения в малейших деталях. <...> Когда в 1898 году вышло сочинение Толстого „Что такое искусство?“, мы, участники постановки „Фераморса“, были страшно оскорблены» (с. 247). Изнутри ситуация выглядит иначе — ни «ослы», ни «болваны», ни «идиоты», сыпавшиеся с языка дирижера, не могли уменьшить восторга артистов от участия в общем деле.

Вызывает уважение стремление составителей оперировать сведениями и фактами, почерпнутыми из документов, не навязывая читателям своего мнения. Впрочем, иной раз авторский голос звучит в комментариях излишне категорично. Опровергая приведенное в сноске мнение Д. С. Шора о свойственном Сафонову антисемитизме, составители пишут: «Мы позволяем себе не согласиться с мнением Шора. С[афонов] не был антисемитом. Он был лишь противником изоляционизма, столь свойственного евреям, и вполне объяснимого боязнью малого народа потерять самобытность. <...> Для него мерилом ценности человека была не сословная и не религиозная принадлежность, а порядочность, желание приносить обществу пользу, умение работать» (с. 382–383). Здесь составители, как кажется, противоречат фактам, изложенным в основном тексте, и себе. Да, Сафонов проявляет широту взгляда: «Солнце же, по выражению Писания,

светит „на праведных и неправедных“». Нетрудно понять, кто такие эти «неправедные». Своеобразная миссионерская деятельность Сафонова по обращению учеников и друзей-иудеев в свою веру — разве это не разделение людей по религиозной принадлежности, не проявление своего рода конфессионального превосходства? Закрывать на это глаза, утверждая, что приписываемый Сафонову антисемитизм является не более чем мифом (с. 5), значит выдавать желаемое за действительное. В рассуждениях о болезненной проблеме антисемитизма в просвещенных кругах России подобные попытки оправдания неуместны.

При наличии позорных для своего времени законодательных ограничений для евреев, в интеллигентской среде считалось неприличным явное проявление юдофобства. Немногие, подобно, к примеру, Э. К. Метнеру (Вольфингу), во всеуслышание заявляли о своих взглядах. Конечно, позиция Сафонова далека от позиции Метнера, требовавшего отмены ограничения на выбор профессии для евреев единственно для того, чтобы снизить их приток в творческую сферу (только такие меры якобы были способны спасти культуру от «музыкального юдаизма»). От идеи Метнера вывести за скобки европейской духовной жизни целый народ до практики нацизма — рукой подать. Но ведь и он умудрялся отрицать предъявляемые ему обвинения в антисемитизме!

Выход в свет книги, подобной «Летописи жизни и творчества В. И. Сафонова», включающей огромный пласт сведений, извлеченных из архивных недр, неизменно сопровождается выплеском информации, о важности которой составители могут порой и не догадываться. Мне, как автору книги «Яша Хейфец в России», хорошо известно, что 30 января 1916 года в Большом театре, где Хейфец под управлением Сафонова исполнил Скрипичный концерт Чайковского, с оркестром была сыграна только первая часть (по причине отсутствия нот у оркестрантов); вторую часть концерта пятнадцатилетний скрипач исполнил под фортепиано. Имя аккомпаниатора мне было неизвестно. Оказывается, согласно «Летописи», Хейфецу аккомпанировал сам Сафонов!

И еще один пример неожиданных находок. Из «Летописи» мы узнаем, что в экстренном симфоническом собрании Московского отделения ИРМО, состоявшемся 10 января 1904 года в Большом зале Московской консерватории, под управлением Сафонова прозвучала «Песня о блохе» Мусоргского в инструментовке Ю. С. Сахновского для голоса с оркестром (рукопись, 1-е исполнение); солировал Ф. И. Шаляпин. До выхода «Летописи» о существовании этой инструментовки «Песни о блохе», созданной за четыре года до знаменитой инструментовки И. Ф. Стравинского (так-

же исполненной Шаляпиным), не было известно. Это вносит дополнительную краску в многогранную историю оркестровых обработок «Песни о блохе».

Думается, книга эта, снабженная отличным справочным аппаратом, способна преподнести еще немало сюрпризов, которые оценит настроенный на волну поиска специалист. Великолепно оформленная, богато иллюстрированная «Летопись жизни и творчества В. И. Сафонова» — труд, достойный памяти замечательного дирижера, способный стать и полезным справочником по истории отечественной музыкальной культуры рубежа XIX–XX веков.

Галина Копытова

Simon Morrison «The People's Artist: Prokofiev's Soviet Years»

Oxford University Press, USA, 2008. — 520 p.

«Можно подумать, что вы надеетесь найти в этих письмах разгадку тайны бытия», — сказала она, и я лишь возразил, что, если бы мне пришлось выбирать между столь ценным открытием и пачкой листов, исписанных рукой Джеффри Асперна, я без колебаний знал бы, на чем остановить свой выбор.

Генри Джеймс. *Письма Асперна*

Как сейчас помню: поинтересовавшись у доброжелательной сотрудницы РГАЛИ, открылся ли архив Прокофьева, — ведь пятьдесят лет со дня его смерти уже истекли, — я услышала в ответ, что семья композитора закрыла его еще на пятьдесят лет. Подсчитав в уме, я поняла, что я не доживу до этого момента и, значит, никогда не узнаю, что на самом деле случилось с Прокофьевым после переселения в СССР и почему и моя самая любимая, и самая нелюбимая его музыка — такая. Глубокого чувства разочарования мне до сих пор не забыть, как и чувства протеста: ведь еще через пятьдесят лет это уже будет неинтересно! Не потому, что музыку Прокофьева вдруг перестанут играть — это вряд ли, а потому что так, как интересно нам, нашим внукам точно не будет — от них Прокофьев будет удален так же, как от нас Римский-Корсаков или Балакирев. Нам